

СТАТЬИ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080013620-9

ГРЕЧЕСКАЯ И РИМСКАЯ КЕРАМИКА В АФРИКАНСКОМ ЦАРСТВЕ МЕРОЭ: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ

© 2021

С.Е. МАЛЫХ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Резюме: В статье анализируется керамический импорт, найденный на территории Мeroитского царства – южного соседа Египта, существовавшего на территории современного Судана со второй половины VI в. до н.э. до середины IV в. н.э. Выявленная в ходе археологических исследований некрополей, жилых и храмовых комплексов импортная керамика в основном имеет средиземноморское происхождение и связана с эллинистическим миром, в конце I-го тыс. до н.э. вошедшим в состав обширной Римской империи. Находки в основном редки и представлены фрагментами амфор из различных областей Италии, Эгеиды, Малой Азии, Леванта, Северной Африки, а также европейских провинций Римской империи – Бетики и Галлии. Основным потребителем иноземных товаров, в небольшом количестве достигавших среднего течения и верховий Нила, вероятно, была мероитская элита. Логично предположить, что проникновению средиземноморской керамики в Мероэ способствовали торговые связи северного соседа – Египта, через речные и караванные пути которого и шел товарообмен со Средиземноморьем, хотя гипотетически нельзя исключать возможность проникновения товаров в Мероэ минуя Египет, через красно-морские порты. Несмотря на небольшую долю привозных изделий в Мeroитском царстве и независимо от путей их движения, они оказали значительное влияние на местное гончарное ремесло; отражением этого процесса стало появление в африканском царстве эллинистических форм сосудов (кратеров, асков, лекифов, клесидр и др.) и вазописи в греческом стиле. В результате возник совершенно особый сплав художественных идей, воплотившийся в керамике Мероэ. В нем наряду с местными нубийскими чертами узнаются египетские или эллинистические сюжеты, технические приемы и керамические формы, характерные для керамики Позднего и Птолемеевского Египта, античных Греции и Рима, что позволяет видеть в царстве Мероэ крайний южный форпост античного мира.

Ключевые слова: Мероэ, Египет, Римская империя, торговые связи, импортная керамика, древнегреческие амфоры.

Для цитирования: Малых С.Е. Греческая и римская керамика в африканском царстве Мероэ: пути проникновения и степень влияния. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080013620-9

GREEK AND ROMAN POTTERY IN THE AFRICAN KINGDOM OF MEROE:
WAYS OF PENETRATION AND INFLUENCE

© 2021

Svetlana E. MALYKH ^a

a – Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the ceramic imports found on the territory of the Meroitic Kingdom – the southern neighbour of Egypt, which existed on the territory of modern Sudan since the second half of the 6th century B.C. until the middle of the 4th century A.D. The finds are mostly rare and are represented by fragments of amphorae from various regions of Italy, Aegean region, Asia Minor, the Levant, northern Africa, as well as Baetika and Gaul. The main consumer of foreign goods, in small numbers reaching the middle and upper reaches of the Nile, was probably the Meroitic elite. It is logical to assume that the penetration of Mediterranean ceramics into Meroe was facilitated by the trade ties of its northern neighbour – Egypt; although hypothetically, one cannot exclude the possibility of goods entering Meroe through the Red Sea ports. Despite a small share of imported products in the Meroitic Kingdom and regardless of the ways of their movement, they had a significant influence on the local pottery manufacturing; a reflection of this process was the appearance in the African kingdom of Hellenistic forms of vessels (kraters, askoses, lekythoi, clepsydras, etc.) and vase painting in the Greek style. As a result, a very special synthesis of artistic ideas emerged, embodied in Meroitic ceramics. Along with the local Nubian features, Egyptian and Hellenistic themes, techniques and ceramic forms are recognized there, which allows us to see the Kingdom of Meroe as the extreme southern outpost of the Hellenistic world.*

Keywords: Meroe, Egypt, Roman Empire, trade relations, import pottery, Ancient Greek amphorae.

For citation: Malykh S.E. Greek and Roman Pottery in the African Kingdom of Meroe: Ways of Penetration and Influence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 6–17. DOI: 10.31857/S086919080013620-9

При археологическом изучении памятников Мeroитского царства – южного соседа Птолемеевского и Римского Египта, располагавшегося на территории современного Судана, некоторая доля находок приходится на предметы импорта – украшения и амулеты, вооружение, утварь (включая керамические сосуды). Они свидетельствуют о торговых связях и внешнем влиянии на ремесло этой углубленной в африканский материк страны, связанной с остальным миром Нилом, пустынными караванными тропами и редкими красноморскими портами.

В период своего расцвета (III в. до н. э. – II в. н. э.) Мeroитское царство занимало обширные области южной части современного Египта и основной территории современного Судана: от 1-го порога Нила и до места слияния Голубого и Белого Нила, а по последним данным простиралось и несколько южнее, включая как территории, расположенные по Голубому Нилу (Восточный Герейф, Соба, Абу Гейли), так и находящиеся в междуречье Белого и Голубого Нила (Сеннар, Гебель Мойя)¹.

¹ По крайней мере, здесь обнаружены поселения и некрополи с мeroитской керамикой. Подробнее см.: [Brass, Schwenniger, 2013, p. 1–18; Nassr, 2016, p. 146–152; Sakamoto, 2016(1), p. 125–132; Sakamoto, 2016(2), p. 82–88].

Несмотря на удаленность от средиземноморского побережья, обнаруженные на этой территории памятники и предметы свидетельствуют о контактах Мероэ не только с Египтом², но и с собственно эллинистическим и римским миром, который оказывал воздействие на многие стороны жизни мероитов, включая ремесленное производство, в частности, керамику, являвшуюся отличительной чертой мероитской цивилизации и демонстрирующую как местные африканские традиции, так и египетские и эллинистические черты.

Как свидетельствуют находки на территории Мeroитского царства, ее жители (прежде всего, представители элиты) были хорошо знакомы с предметами импорта, привезенными из Средиземноморского региона. Так, некоторое количество греческих и римских предметов происходит из царских погребений в некрополе Бегравия, расположенного в двух километрах от столицы царства – города Мероэ, из погребений знати в Фарасе, Караног и других мест [Baud, 2010, p. 85–87, fig. 94–95; Gradel, 2010, p. 99–101, fig. 117–121]. Например, в погребальной камере практически разрушенной до основания пирамиды Beg. N 24 был обнаружен фигурный ритон с амазонкой афинского мастера Сотата V в. до н. э. (ил. 1, Бостон, MFA 21.2286)³. Поскольку пирамида и ее часовня разрушены, мы не знаем, кому они принадлежали, а их постройка датируется широким интервалом от IV до I вв. до н.э., что значительно отстоит по времени от датировки ритона. Схожая ситуация наблюдается и с двумя бронзовыми головами Диониса Тавра из пирамиды Beg. N 5 царевицы Ариканхарора, сына Натакамани, жившего в начале I в. н.э.: скульптурные изображения также датируются более ранним временем – II в. до н.э. [Кацнельсон, 1970, с. 320–321; Sackho-Autissier, 2010(2), p. 202–203, fig. 265; Török, 2011, p. 102].

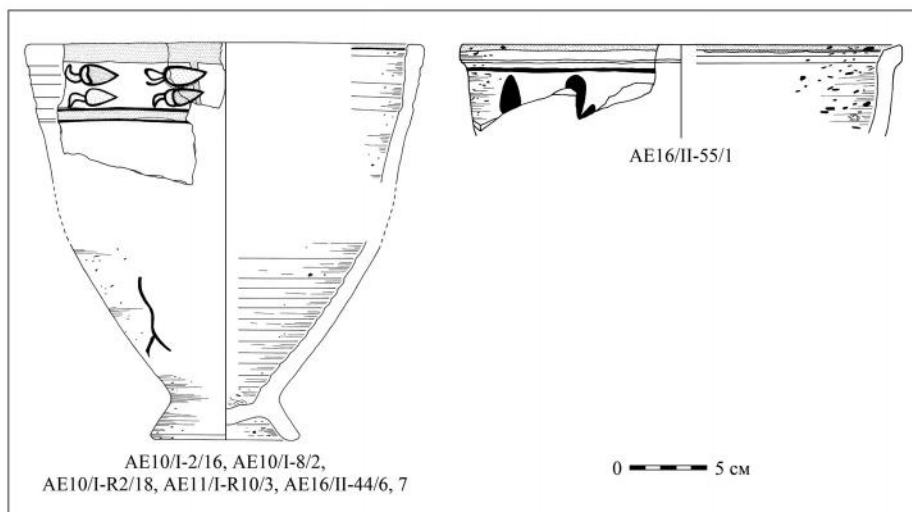
Подобные предметы в основном попадали в Мероэ в результате торговых контактов с Птолемеевским Египтом: по письменным и археологическим источникам известно об их активности – Египет, а позже и Римская империя были заинтересованы в мероитском золоте, железе, слоновой кости и экзотических товарах из Африки. На примере мероитского царя Аркамани (Эргамена греков) и Птолемея IV мы также знаем, что правители могли вести совместную строительную деятельность в храмах, в частности, на острове Филе и в Дакке [Кацнельсон, 1970, с. 198, 202, 208]. Хотя не обходилось и без военных столкновений. По сведениям античного историка и географа Страбона, мероитская царица-кандака в конце I в. до н. э. напала на южные рубежи Египта и захватила там бронзовые статуи Октавиана Августа [Strab. XVII. 1. 53–54], голова одной из которых была обнаружена в 1911 г. в ходе археологических исследований в столице – городе Мероэ [Кацнельсон, 1970, с. 222–224; Берзина, 1992, с. 52; al Sadig, 2003, p. 118, pl. V; Sackho-Autissier, 2010(1), p. 73].

Весьма примечательно, что среди местной керамики, изготовленной на территории Мeroитского царства, можно выделить типы, явно свидетельствующие об эллинистическом влиянии на форму сосудов или их декор. Так, в Мероэ, Напате, Гаммаи, Караног, Фарасе, Баллане были найдены сосуды-клепсидры из местных глин, служившие для измерения времени с помощью воды. Они датируются интервалом от II в. до н. э. до I в. н. э. и по конструкции аналогичны греческим сосудам, бытовавшим с VI в. до н. э. до I в. н. э. [Nowotnick, 2016, p. 402–404, fig. 1b, 3].

В немалом количестве встречаются и другие немероитские керамические типы из местных глин – кратеры, аскосы, лекифы, столовые амфоры. Первые служили для смешивания вина перед подачей к столу, вторые – для наполнения кратеров, третьи и четвертые – как вместилища вина во время застолий. По предположению У. Новотник, эти иноземные формы были восприняты мероитами вместе с греческими обычаями винопития и связанным с ними культом бога Диониса [Nowotnick, 2016, p. 405]. Возможность использования привоз-

² Подробнее см.: [Малых, 2021].

³ Находится на цветной вклейке

Ил. 2. Расписные кратеры из Абу Эртейлы (рис. автора)
 Fig. 2. Painted kraters from Abu Erteila (drawing by the author)

ных изделий для отправления вакхических обрядов наглядно иллюстрируется росписью на шарообразном сосуде из Караного, где показаны пляшущие и играющие на музыкальных инструментах темнокожие сатиры вокруг сосудов, по виду более всего похожих на итальянские амфоры типа *Dressel 2–4*, бытовавшие в конце I–II вв. н. э. и также известные в Мероэ (см. ниже).

Аскосы, судя по глине, не импортные изделия, а их местные имитации, найдены на поселениях и в некрополях IV–I вв. до н. э. в Караного, Каср Ибриме, Баллане, Фарасе, Амир Абдалла, Неллуа, Гаммаи, Мероэ, Бегравии, Хамадабе [Nowotnick, 2016, p. 404–405, fig. 1c, 5].

Фрагменты двух расписных кратеров были обнаружены Российско-итальянской экспедицией в Абу Эртейле (к югу от города Мероэ) в 2010, 2011 и 2016 гг. (ил. 2) и могут быть датированы II в. н. э. В первом случае абу-эртейльский кратер декорирован бутонами лотосов, во втором – также бутонами лотосов в сочетании со знаками-*анх* [Malykh, 2017, p. 146, fig. 6b, pl. 1b; 2019, p. 179–181, fig. 44 (AE16/II-55/1)]. Сосуды этого типа, бытовавшего со II в. до н. э. по II в. н. э., встречаются и в других регионах Мeroитского царства, как в его северной части (в Каср Ибриме, Миссиминии, Сонияте, Напате), так и в столичной области (в Мероэ, Хамадабе, Аулибе, эль-Хассе, Мувейсе, Наге и Мусавварат эс-Суфре [Evina, 2018, p. 233–234]). По всей вероятности, формы колоколовидных и колонновидных кратеров пришли в Мероэ из Птолемеевского Египта, где они стали популярными с III в. до н. э. [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 96–984; Evina, 2018, p. 239] и, в свою очередь, были заимствованы из греческой культуры, т.к. форма сосудов на кольцевом поддоне не была свойственна египетскому гончарству.

Стиль росписи большинства мероитских кратеров также показателен. В отличие от абу-эртейльских, украшенных египтизированным орнаментом с бутонами лотоса и знаками-*анх*, многие другие кратеры были расписаны в эллинистической манере – тонкой виноградной лозой, листьями и побегами плюща [Evina, 2018, p. 237–238, fig. 1–6], выполненными изящно, а в некоторых случаях – даже витиевато. Такая же роспись присутствует на мероитской керамике локальных морфологических типов – на шарообразных сосудах, кувшинах, кубках и чашах [Adams, 1964, p. 144, fig. 13]. Этот стиль, встречаемый на еги-

петской керамике Птолемеевского и раннего Римского времени, греческий по происхождению [Marchand, 2013, p. 249–250, fig. 18]. Более всего он характерен для т.н. гидрий Гадры (*Hadra hydriae*), получивших свое название по восточному некрополю в Александрии и изготавливавшихся в мастерских этого города для хранения человеческих кремированных останков, хотя первоначально заимствованных от критских сосудов [Merz, 1885, p. 18–33; Pagenstecher, 1909, p. 387–416; Блаватский, 1953, с. 244–245; Török, 2011, p. 254–256; Nowotnick, 2016, p. 401]. Сосуды с такой росписью также отмечены в Танисе, Фивах и Асуане [Harlaut, 2000, p. 156–161, fig. 10, 12; Lecuyot, 2014, p. 107, pl. VI.b; Adams, 2018, p. 305, fig. 5]. Схожий по характеру стиль росписи можно видеть на греческой керамике с VI в. до н.э. [Evina, 2018, p. 237–242]; он широко распространился по всему северному и восточному Средиземноморью и имел сравнительно долгий период бытования: например, он применялся критскими и кипрскими вазами в III–I вв. до н.э., хотя для этого времени уже стал архаичным [Блаватский, 1953, с. 246; Cook, 1966, p. 35; Callaghan, 1980, p. 33–47; 1983, p. 123–129].

Расписной керамический импорт VI в. до н.э. достигал и Египта. Особенно широко он представлен в керамических комплексах Навкратиса – города-колонии ионийских и карийских греков в Западной Дельте Нила, где местные мастерские стали производить имитации импортной столовой утвари и транспортной тары [Coulson, 1996, p. 46–64, 82–90]. Предположения о художественном влиянии греческой и навкратийской керамики на мероитскую неоднократно высказывались зарубежными и отечественными учеными [Кацнельсон, 1970, с. 321]. Однако проблема поиска стилистических прототипов кроется в том, что между греческой и мероитской керамикой рассматриваемых групп стоит значительный интервал времени в несколько сотен лет. Скорее в данном случае можно говорить об опосредованном влиянии греческого стиля на мероитский через Египет и его гончарную продукцию. В настоящее время господствует точка зрения, что стиль таких кратеров, их форма и роспись имитировали не греческие образцы, а керамику Птолемеевского Египта [Török, 1994; Evina, 2018, p. 243], что гораздо более логично. Более того, этот стиль для египетской керамики, несомненно, имеющий греческие корни, наиболее характерен для Александрии, его условно можно назвать александрийским. Вероятно, и более южная египетская керамика (например, из Фив и Асуана), и мероитская керамика, расписанная мотивами виноградных лоз, скорее имитировала александрийские изделия.

В I–II вв. н.э. в Римской империи стал популярен стиль *барботин* – весьма узнаваемая разновидность объемного декора на керамике. Его растительные сюжеты, использующие виноградные лозы и гроздья, листья и побеги плюща, близки архаической греческой керамике и, видимо, унаследованы именно от нее. Барботиновая техника декора применялась в гончарных метрополиях и провинциях Римской империи, в том числе Египта, где основным центром производства подобных изделий был Асуан [Малых, 2016, с. 365–367]. Как мы уже отмечали [Малых, 2021, с. 9–10], некоторое количество асуанских барботинов обнаружено на территории царства Мероэ, и это может свидетельствовать о знакомстве мероитских гончаров с подобного рода изделиями. Однако для асуанских барботинов характерно использование более простых орнаментальных и композиций, а не растительных и зооморфных, как у британских, германских и испанских барботинов. Более того, барботиновая керамика из европейских провинций Римской империи не найдена южнее Александрии Египетской [Élaïne, 2012, p. 29–63, fig. 5–20]. Вероятно, пока приходится допустить, что барботиновый орнаментальный декор и тонкий мероитский расписной растительный декор изначально имели общий греческий прототип, но развивались параллельно.

Аналогичная картина наблюдается и с тонким зооморфным мероитским расписным декором на керамике, встречавшемся значительно реже растительного. Наряду с собственно

мероитским стилем росписи гончарных изделий, имеющим египтизированные черты⁴, в погребениях мероитской знати были обнаружены сосуды, декорированные в изящном стиле [Woolley, Randall-MacIver, 1910, pl. 54 (№ 8162); Török, 2011, p. 287]: на единичных сосудах I–II вв. н.э., преимущественно из северной части Мeroитского царства (прежде всего, Каранога), можно видеть скачущих животных в обрамлении листьев плюща характерной греческой формы. Это разительно отличается от статичных и массивных изображений животного мира на мероитской керамике, напоминающих древнеегипетские изображения. Наиболее близкие стилиевые параллели, синхронные по времени, опять же можно видеть на барботиновой керамике европейских провинций Римской империи, особенно в сценах охоты, где собаки преследуют скачущих зайцев и газелей в обрамлении виноградных лоз и волнистых побегов плюща [Малых, 2016, с. 367]. Однако, как мы отметили выше, подобные предметы не найдены в Мeroитском царстве, отсутствуют они и в Египте, даже в тогдашней столице провинции – в Александрии. Для птолемеевской керамики Египта этот стиль не был использован, хотя египтяне еще в доптолемеевское время были знакомы с сосудами, расписанными схожим образом: в городах дельты Нила – в Дафнах, Навкратисе, Саисе, а также в регионе Мемфиса – была найдена импортная греческая керамика VII–VI вв. до н.э., декорированная в стиле *Фикеллура* и *Wild Goat Style* [Smoláriková, 2002, p. 27–30, 33].

Можно было бы предположить, что нубийские правители, в середине VIII в. до н.э. завоевавшие Египет, основавшие XXV кушитскую династию и занимавшие египетский престол до середины VII в. до н.э., познакомились с подобной утварью, бывшей и для египтян, и для нубийцев предметом роскоши и объектом торговых операций. Однако к моменту ухода нубийских фараонов из Египта стили керамической росписи со скачущими животными лишь зарождались, а их импортирование в Египет произошло в правление следующей, уже египетской по происхождению XXVI саисской династии. Поэтому на данный момент на имеющихся источниках проследить греческие или навкратийские истоки мероитского тонкого стиля керамики практически невозможно. Наиболее логично предполагать опосредованное влияние эллинистической греческой керамики на мероитскую через Птолемеевский Египет, от которого мероиты заимствовали не только моду на подобного рода изделия, но также и некоторые религиозные культы, как, например, ставший популярным в греко-римском Египте культ Диониса, существование которого в Мероэ подтверждается предметами материальной культуры – скульптурными изображениями самого Диониса, фаянсовыми виноградными гроздьями, прямоугольными каменными жертвенниками с изображением винных амфор с черпаками, сосудами с изображением виноградных лоз, дионисийскими сюжетами на керамике [Woolley, Randall-MacIver, 1910, p. 54–55, pl. 16–17, 20 (№ 7091–7092, 7097), 42 (№ 8177), 45 (№ 8216), 51 (№ 8483), 53 (№ 8151), 55 (№ 8169), 57 (№ 8187), 67 (№ 8246, 8248), 73 (№ 8297), 79 (№ 8279), 92 (№ 8720); Almagro et al., 1965, p. 84, fig. 3; Sackho-Autissier, 2010(2), p. 202–207; Török, 2011, p. 282].

Однако мы не можем полностью отбросить предположение, что тонкая манера росписи мероитской керамики I–II вв. н.э. подражала синхронным ей сосудам сильнейшего государства-соседа – Римской империи, на тот момент – владыки мира. И заманчиво было бы допустить, что некий северомероитский мастер мог видеть незабываемые барботиновые римские сосуды со сценами охоты, воплотив затем эту идею в росписи на керамике своей страны, использованной для погребальных нужд мероитской знати.

Эта смелая гипотеза отчасти подтверждается обнаружением на территории Мeroитского царства импортированной керамики из различных регионов Средиземноморья – не только североафриканского побережья, но также из итальянских регионов, Бетики (Испания), Галлии, Эгеиды, Малой Азии и Леванта.

⁴Подробнее см.: [Малых, 2018, с. 38–49].

Керамика из Эгеиды (Крита, Кипра и Микенской Греции) и Леванта достигала Нубии уже в середине 2-го тыс. до н.э., о чем свидетельствуют находки в Анибе, Бедиере, Дебейре, Бухене, Аскуте, Западной Амаре, Саи,SOLEBE, Сесеби, Керме, Томбосе и Табо⁵. По всей вероятности, способствовали этому торговые связи Египта со Средиземноморским регионом, так что пути проникновения импортных изделий на территорию современного Судана шли через северного соседа по Нилу.

В Напатский период в Нубию ввозились с вином хиосские и клазоменские амфоры [Heidorn, 2018, p. 190–191, fig. 3], а также левантийские амфоры типа «*торпедо*» [Defernez, Marchand, 2006, p. 68; Heidorn, 2018, p. 193–194, fig. 4; Vincentelli, 2018, p. 132, pl. 9], причем последние найдены и в южных частях Напатского царства – в Мероз [Nowotnick, 2018, p. 212, fig. 4].

В Меровитское время доля средиземноморского импорта и его разнообразие возросли. Понятно, что основная часть товаров имела египетское происхождение, но, как показывают археологические исследования, керамика из других регионов также достигала различных областей Мероитского царства. Так, в Напате, Бегравии и Абу Эртейле найдены фрагменты эгейских амфор III в. до н.э. – первой половины I в. н.э., в том числе с острова Родос [Bągińska, 2005, p. 15–16; Malykh, 2019, p. 179, 181, pl. CXX (AE16/II-39/1)].

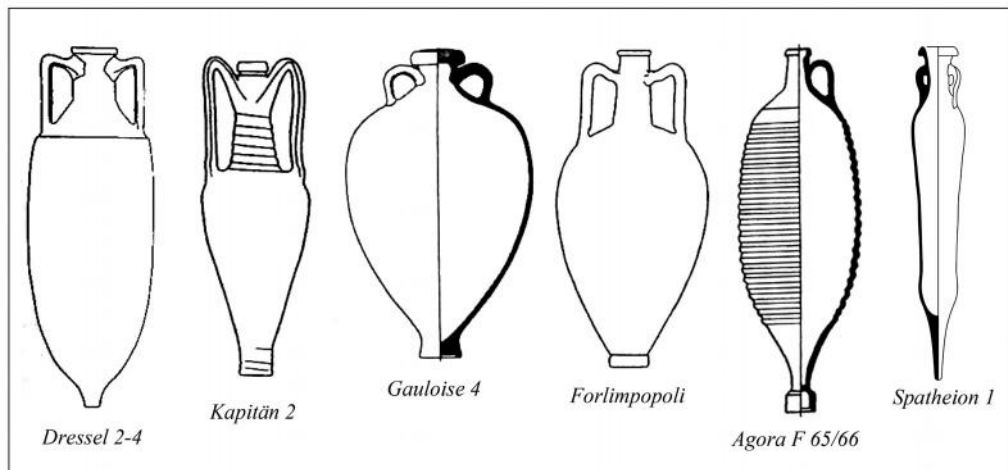
Винные амфоры типа *Dressel 2–4* (ил. 3), изготовлявшиеся в итальянских областях Лациум, Кампания, Этрурия в конце I в. до н.э. – середине II в. н.э., обнаружены в самом Мероз (точнее, в Северном и Западном некрополях Бегравии), Селибе, Гебель Баркале (на территории царского дворца, храма В 560 и кладбища), Фарасе, Каср Ибриме [Bągińska, 2005, p. 16–18; 2015, p. 253–254; 2018, p. 501–502; Bąkowska, 2015, p. 456, 459]. Примечательно, что похожие амфоры изображены на упомянутом выше шарообразном кувшине из погребения G 112 в Караноге [Woolley, Randall-MacIver, 1910, p. 54, pl. 45 (no. 8216)]: сатиры пляшут и музицируют вокруг таких амфор. Косвенно это указывает на использование немероитской по своему происхождению утвари в дионисийских ритуалах.

Другой тип итальянских амфор, производившийся в I–III вв. н.э. в регионе Эмилия-Романья, – *Forlìmpoli* (Peacock–Williams 42, *Dressel 29*, Ил. 3), выявлен в некрополях Бегравии и Фараса, а также в храме В 560 в Гебель Баркале [Bągińska, 2005, p. 21–22; 2018, p. 502–503]. Назначение этих амфор дискуссионно, предполагается, что изначально они могли содержать вино или соус из ферментированной рыбы *гарум*, однако Д. Багинская предполагает, что в Египте и Мероз такие амфоры вторично использовались для местного вина [Bągińska, 2005, p. 21].

Винные амфоры типа *Kapitän 2* (ил. 3) редки для Мероитского царства и пока найдены только в некрополе Фараса: они производились в Эгее или Малой Азии в конце II–IV вв. н.э. [Bągińska, 2005, p. 28–30]. Напротив, амфоры типа *Late Roman Amphorae 3* (LRA 3, точнее, их одноручная версия типа *Agora F 65/66* (Peacock–Williams 45), конец II–III вв. н.э.), редко встречаемые в Египте, для Мероитского царства задокументированы удивительно широко: они найдены в Вади Китна, Караноге, Кустуле, Фарасе, Наг Гамусе, Седеинге, Гаммаи, главным образом, в погребальном контексте [Woolley, Randall-MacIver, 1910, pl. 105 (F xxxiii); Bągińska, 2005, p. 25–28; Gradel, 2010, p. 99–100, fig. 117; David, Francigny, 2018, p. 261, fig. 12]. В Гебель Баркале они выявлены в храме В 560 [Bągińska, 2018, p. 500–501]. Амфоры типа *Agora F 65/66* изготовлялись в Малой Азии, в Эфесе, однако их назначение не определено.

Винные амфоры типа *Agora M54* (Psuedo-Cos en cloche, Ил. 3) производились на Кипре и в Малой Азии во второй половине I–II вв. н.э. Одна такая амфора, вероятно, кипрского происхождения, найдена в Гебель Баркале (храм В 560) [Bągińska, 2018, p. 502].

⁵ Подробнее об этом см.: [Budka, 2018, p. 108; Schiller, 2018, p. 91–105].

Ил. 3. Типы импортных амфор, найденные в Мeroитском царстве
(по: [Bagińska, 2005, p. 16–28] с добавлениями автора)

Fig. 3. Types of imported amphorae found in the Meroitic Kingdom
(after: [Bagińska, 2005, p. 16–28] with additions by the author)

Винные амфоры середины I–III вв. н.э. из Галлии – тип *Gauloise 4* (ил. 3) – найдены в Бегравии и Седеинге [Bagińska, 2005, p. 20–21; David, Francigny, 2018, p. 260–261, fig. 11]. Североафриканские (тунисские) амфоры для вина или масла середины II в. н. э. задокументированы в Седеинге [David, Francigny, 2018, p. 261–262, fig. 13].

Особняком стоит группа импортных амфор, изготовлявшихся для хранения и транспортировки рыбного соуса *сарум* (*salsamenta*); хотя пока точно не установлено, были ли они привезены в царство Мероэ с этим продуктом, или же вторично использованы для других нужд. Так, амфора типа *Beltrán 2A* (I – середина II вв. н.э.), характерного для мастерских римской провинции Бетика (совр. Испания), найдена в Седеинге [David, Francigny, 2018, p. 259–260, fig. 9]. Более поздние небольшие продолговатые амфоры типа *Spatheion 1* (ил. 3) (конец IV – середина V вв. н.э.) [Bonifay, 2004, p. 124–125, fig. 67] производились в Проконсульской Африке – в Карфагене и Неаполе (совр. Набэль в Тунисе) и использовались для хранения и перевозки *сарума*, оливок, оливкового масла и вина. Пока только одна такая амфора найдена на территории Судана – в городе Мероэ [Bagińska, 2005, p. 30–32], однако относится она уже ко времени распада Мeroитского царства.

Сохранение торговых связей царств Макурия и Нобадия, образовавшихся на месте павшего Мeroитского царства, иллюстрирует нахождение здесь керамического импорта (амфор типа *LRA 1* и *LRA 4*), который попадал сюда, вероятно, через Египет, и где продукция, привозимая в этих амфорах, была популярна. Так, кипрские и кикийские амфоры типа *LRA 1* (конец IV – первая половина VIII вв. н.э.), в равной степени использовавшиеся и для вина, и для масла, найдены в Вади Китне, Баллане, Кустуле, Фарасе, Донголе, Бахите, Дейге, Селибе [Strouhal, 1984, p. 156, fig. 124 (P 776); Cedro, 2017, p. 321; Żurawski et al., 2018, p. 150–151, fig. 2; Danys, 2018, p. 612]. Палестинские винные амфоры типа *LRA 4* (IV–VII вв. н.э.) выявлены в Баллане, Кустуле и Донголе [Ballet, Picon, 1987, p. 32; Danys, 2018, p. 612]. При этом весьма показательно, что керамический импорт такого рода пока не обнаружен в самом южном из «осколков» Мeroитского царства – в Алве (Алодии), располагавшемся на месте Мероэ и его округи. Видимо, сказался общий упадок и ослабление торговых отношений между Алвой и ее северными соседями.

Несмотря на кажущуюся удаленность от Средиземноморского региона и некоторую обособленность от Египта из-за нильских порогов, Мероитское царство существовало в рамках общемировой ойкумены, вполне развиваясь в ее русле. Его жители были знакомы со многими предметами импорта, привозившимися как из соседних регионов, так и более удаленных, например, римских провинций Галлия и Бетика. Каким образом осуществлялись торговые связи – караванными тропами, речными путями с обходом порогов посуху или через Красное море, сейчас ответить однозначно крайне сложно. Видимо, все варианты могли использоваться в той или иной степени.

Логично предположить, что проникновению средиземноморской керамики в Мероэ способствовали торговые связи северного соседа – Египта, а пути импортирования товаров на территорию современного Судана шли по Нилу [Кацнельсон, 1970, с. 316]. Также должны были быть задействованы египетские красноморские порты, в частности, Береника Троглодитская [Кацнельсон, 1970, с. 327; Берзина, 1992, с. 66]. Могло ли иметь место движение товаров в Мероэ, минуя Египет? Теоретически, да: если канал в Дельте, соединявший Нил и Красное море, функционировал в изучаемый период, то часть импорта могла следовать, мало затронув Египет. О существовании такого канала неоднократно упоминали античные авторы [*Hdt.* I. 158–159, IV. 42, *Strab.* II. 31, *Plin.* NH. VI. 165–166, *Diod.* I. 33], указывая, что он был прорыт еще при египетском фараоне Нехо II, затем неоднократно восстанавливался Дарием I, Птолемеями, а также римским императором Траяном (от чего получил название «река Траяна»).

Итак, значительное количество разнообразного керамического импорта, найденного на территории Мероитского царства, иллюстрирует торговые отношения этого государственного образования как с ближайшими соседями, так и более отдаленными регионами. Основная часть импорта предназначалась для мероитской элиты, однако так или иначе он оказывал значительное влияние на развитие торговли, эстетических пристрастий, а также ремесленных технологий, что хорошо просматривается на керамике, где заметно последовательное внедрение иноземных форм сосудов или декора. Однако, несмотря на отчетливую связь мероитской художественной культуры в целом и гончарного дела в частности с древнеегипетской и эллинистической культурами, обращение мероитов к иноземным образцам не было их точным копированием. Мероитские мастера брали пришлые формы и символику лишь за основу, переосмысливая ее в пределах местных традиций. Они смогли создать особый стиль керамики, используя не только египетскую базу, но и в немалой степени достижения своих нубийских предков, а также некоторые черты эллинистической и римской культур. В результате возник совершенно особый сплав художественных идей, воплотившийся в декоре керамики Мероэ. В нем, с одной стороны, узнаются египетские или эллинистические сюжеты, технические приемы и керамические формы, характерные для керамики Позднего и Птолемеевского Египта, античных Греции и Рима. С другой стороны, изделия получились самобытными и узнаваемыми, ярко иллюстрирующими материальную и художественную культуру Мероитской цивилизации, расположенной у южной границы средиземноморской ойкумены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Берзина С.Я. *Мероэ и окружающий мир. I–VIII вв.* М.: Главная редакция восточной литературы, 1992 [Berzina S.Ya. *Meroe and the Neighbouring World. 1st–8th Centuries.* Moscow: Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1992 (in Russian)].

Блаватский В.Д. *История античной расписной керамики.* М.: Издательство МГУ, 1953 [Blavatsky V. D. *The History of Antique Painted Ceramics.* Moscow: Moscow University Press, 1953 (in Russian)].

Кацнельсон И.С. *Напата и Мероэ – древние царства Судана*. М.: Наука, 1970 [Katsnelson I.S. *Napata and Meroe – the Ancient Kingdoms of Sudan*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].

Малых С.Е. Египетская керамика в Нубии: этапы бытования. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 6–15 [Malykh S.E. Egyptian Pottery in Nubia: Stages of Existence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 6–15 (in Russian)].

Малых С.Е. Керамика типа «барботин» в Римском Египте: распространение и проблема атрибуции. *Вестник древней истории*. 2016. № 2. С. 361–370 [Malykh S.E. “Barbotine” Ceramic Ware in Roman Egypt: Diffusion and the Problem of Attribution. *Journal of Ancient History*. 2016. No. 2. Pp. 361–370 (in Russian)].

Малых С.Е. Египетские мотивы в декоре керамики Мероэ: проблема межцивилизационных влияний в материальной культуре древних обществ. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 37–55 [Malykh S.E. Egyptian Motifs in the Ceramic Decoration of Meroe: The Problem of Intercivilizational Influence in the Material Culture of Ancient Societies. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 37–55 (in Russian)].

Adams W.Y. An Introductory Classification of Meroitic Pottery. *Kush*. 1964. Vol. 12. Pp. 126–173.

Adams W.Y. The Aswan Wares in Nubia, AD 1–1500. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien*. Importations, imitations et influences. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 303–328.

Al Sadig S. Relations Between the Meroitic Kingdom and the Mediterranean World (490 BC – 350 AD). *Kush*. 2003. Vol. 18. Pp. 109–130.

Almagro M., Blanco Caro R., Garcia-Guinea M.A., Presedo Velo F., Pellicer Catalan M., Teixidor J. Excavations by the Spanish Archaeological Mission in the Sudan, 1962–63 and 1963–64. *Kush*. 1965. Vol. 13. Pp. 78–95.

Bagińska D. Amphora Imports in Nubia. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 15–36.

Bagińska D. The Meroitic Pottery from Selib. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies*. Vienna, 1–4 September 2008. *Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Ed. M. H. Zach. Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 455–464.

Bagińska D. Meroitic Pottery from Temple B 560 at Jebel Barkal. *Nubian Archaeology in the XXth Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies*, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. *Orientalia Lovaniensia Analecta* 273. Ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 489–504.

Bąkowska G. Some Remarks on Meroitic Pottery from Jebel Barkal / Napata. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies*. Vienna, 1–4 September 2008. *Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Ed. M. H. Zach. Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 249–264.

Ballet P., Picon M. Recherches préliminaires sur les origines de la céramique des Kellia (Égypte). Importations et productions égyptiennes. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1987. Vol. 1. Pp. 17–48.

Ballet P., Południkiewicz A. *Tębnyis V. La ceramique des epoques hellenistique et imperiale. Campagnes 1988–1993. Production, consommation et réception dans le Fayoum méridional*. Le Caire: IFAO, 2012.

Baud M. Culture d’Afrique, modèles égyptiens et influences méditerranéennes. *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. Pp. 76–89.

Bonifay M. *Études sur la céramique romaine tardive d’Afrique*. Oxford: Archaeopress, 2004.

Brass M., Schwenniger J.-L. Jebel Moya (Sudan): new dates from a mortuary complex at the southern Meroitic frontier. *Azania: Archaeological Research in Africa*. 2013. Vol. 48. Pp. 1–18.

Budka J. Egyptian Pottery from the New Kingdom Temple Town of Sai Island. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien*. Importations, imitations et influences. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 107–133.

Callaghan P.J. The Trefoil Style and Second-Century Hadra Vases. *Annual of the British School at Athens*. 1980. Vol. 75. Pp. 33–47.

Callaghan P.J. Three Hadra hydriae in the Merseyside County Museums. *Bulletin of the University of London. Institute of Classical Studies*. 1983. Vol. 30.1. Pp. 123–129.

Cedro A. Selib 3. Pottery from the Midden. *Polish Archaeology in the Mediterranean. Reports*. 2017. Vol. 26.1. Pp. 310–328.

Cook B. F. *Inscribed Hadra Vases in the Metropolitan Museum of Art*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1966.

Coulson D. E. *Ancient Naukratis*. Vol. II. *The Survey at Naukratis and Environs. Part 1. The Survey at Naukratis*. Oxford: Oxbow Books, 1996.

Danys K. A. Seventh Century Pottery from Old Dongola in the Light of Recent Finds from Palatial Building B.I. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta* 273. Ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 609–614.

David R., Francigny V. Les céramiques importées à Sedeinga et la question des «échanges à longue distance» dans le royaume de Méroé. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 255–278.

Defernez C., Marchand S. Imitations égyptiennes de conteneurs d'origine égéenne et levantine (IVe s. – IIe s. av. J.-C.). *L'apport de l'Égypte à l'histoire des techniques. Méthodes, chronologie et comparaisons (BiEtud 142)*. Eds. B. Mathieu, D. Meeks, M. Wissa. Le Caire, 2006. Pp. 63–99.

Élaigne S. *La vaisselle fine de l'habitat alexandrine*. Le Caire: IFAO, 2012.

Evina M. Painted Kraters from the Meroitic City of Muweis: Some Elements of Understanding. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 233–253.

Gradel C. Méroé, royaume de relais commerciaux? *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. Pp. 99–101.

Harlaut C. Une nécropole populaire sur le Tell Sân el-Hagar: Tanis. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2000. Vol. 6. Pp. 149–170.

Heidorn L.A. The 6th Century BC Imported Amphorae at Dorginarti. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 189–207.

Lecuyot G. La céramique du Ramesseum et de ses abords, état des recherches. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. Vol. 24. Pp. 101–120.

Malykh S.E. Late Meroitic Pottery of Abu Erteila: Local Traditions and Foreign Influence. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. Vol. 27. Pp. 137–180.

Malykh S.E. Pottery from the Temple. Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S., Vetokhov S. *Abu Erteila. Excavations in Progress*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2019. Pp. 173–206.

Marchand S. Céramiques de Égypte de la fin IVe siècle av. J.-C. au IIIe siècle av. J.-C.: entre tradition et innovation. *Networks in the Hellenistic World: According to the Pottery in the Eastern Mediterranean and Beyond. BAR International Series* 2539. Eds. N. Fenn, C. Romer-Strehl. Oxford: Archaeopress, 2013. Pp. 239–253.

Merriam A. C. Inscribed Sepulchral Vases from Alexandria. *American Journal of Archaeology and the History of the Fine Arts*. 1885. Vol. 1.1. Pp. 18–33.

Nassr A.H. Sennar Capital of Islamic Culture 2017 Project. Preliminary results of archaeological surveys in Sennar East and Sabaloka East. *Sudan & Nubia. The Sudan Archaeological Research Society Bulletin*. 2016. Vol. 20. Pp. 146–152.

Nowotnick U. Hellenistic Influence on Ceramics from Meroe and Hamadab (Sudan). *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*. Eds. S. Japp, P. Kögler. Wien: Phoibos Verlag, 2016. Pp. 399–414.

Nowotnick U. Napatan Ceramics from the Excavations at the Royal Bath in Meroe. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 209–230.

Pagenstecher R. Dated sepulchral vases from Alexandria. *American Journal of Archaeology*. 1909. Vol. 13.4. Pp. 387–416.

Sackho-Autissier A. La guerre entre Méroé et Rome, 25–21 av. J.-C. *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010(1). P. 73.

Sackho-Autissier A. Un aspect de la religion méroïtique: vin et culte dionysiaque. *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010(2). Pp. 202–207.

Sakamoto T. Soba and the Meroitic Southern Frontier. *Der antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2016(1). Bd. 27. Pp. 125–132.

Sakamoto T. The Meroitic Cemetery of Gereif East. A glance into the regional characteristics of Khartoum province. *Sudan & Nubia. The Sudan Archaeological Research Society Bulletin*. 2016(2). Vol. 20. Pp. 82–90.

Schiller B. Aegean Pottery in Nubia: Import and Imitations. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. Vol. 11. *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. Ed. R. David. Le Caire: IFAO, 2018. Pp. 91–105.

Smoláriková K. *Abusir VII. Greek Imports in Egypt. Graeco-Egyptian Relations During the First Millennium B.C.* Prague: Czech Institute of Egyptology, 2002.

Strouhal E. *Wadi Qitna and Kalabsha-South. Late Roman – Early Byzantine Tumuli Cemeteries in Egyptian Nubia. Vol. I. Archaeology*. Prague: Charles University, 1984.

Török L. Upper Egyptian Pottery Wares with Hellenistic Decoration. *Hommages à Jean Leclant II. (Bibliothèque d'étude 106/2)*. Eds. C. Berger, G. Clers, N. Grimal. Le Caire: IFAO, 1994. Pp. 377–387.

Török L. *Hellenizing Art in Ancient Nubia 300 BC – AD 250 and Its Egyptian Models: a Study in "Acculturation"*. Leiden: Brill, 2011.

Vincentelli I. Long Distance Trade: The Evidence from Sanam. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*. Ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 127–134.

Woolley C.L., Randall-MacIver D.R. *Karanôg: The Romano-Nubian Cemetery (Eckley B. Coxe Junior Expedition to Nubia. Vol. 3–4)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1910.

Żurawski B., Drzewiecki M., Wiewiora M., Cedro A. Nubian Fortifications in the Middle Ages. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014. Orientalia Lovaniensia Analecta 273*. Ed. M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 149–160.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЫХ Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Илл. 1. Фигурный аттический ритон афинского мастера Сотада, V в. до н. э., пирамида Beg. N 24 (Музей изящных искусств, Бостон, MFA 21.2286)

*Fig. 1. Figured Attic rhyton of the Athenian master Sotad, V century. B.C., from the pyramid Beg. N 24 (Museum of Fine Arts, Boston, MFA 21.2286) (по: Rhyton in the Form of a Mounted Amazon. *Museum of Fine Arts, Boston. Collections*. URL: <https://collections.mfa.org/objects/144210/rhyton-in-the-form-of-a-mounted-amazon?ctx=8e3c9fba-0825-46c1-a40c-53228fee6d7&idx=0> (дата обращения 26.10.2020))*